

Научная статья

УДК 811.161.1'374.3

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-28-54

**Местоимение «Я» в поэтическом языке Серебряного века
по данным сводного авторского словаря**

Лариса Леонидовна Шестакова¹

Анна Сергеевна Кулева²

^{1, 2} Институт русского языка имени В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

¹ lara.shestakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-9472>

² an_kuleva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6536-3943>

Аннотация

Словари языка поэзии играют значимую роль в истолковании и осмыслении редких лексических единиц – устаревших и новых слов, заимствованных, стилистически сниженных и др. Однако для оценки состава и функциональности поэтического лексикона принципиально важно описывать в словарях этого типа всю лексику с приведением всех контекстов из выбранных источников. Именно такой является целеустановка «Словаря языка русской поэзии XX века», основанного на материале произведений десяти видных поэтов Серебряного века. Личным местоимениям, занимающим в поэтическом языке особое место, в Словаре уделяется пристальное внимание. С выходом итогового X тома, над которым сейчас ведется работа, будет завершено, в рамках Словаря, системное описание личных местоимений. В настоящем исследовании анализируется подготовленная для X тома словарная статья Я. Показаны, с привлечением большого числа иллюстративных контекстов, специфика функционирования местоимения я в поэтическом языке в сопоставлении с общеязыковым

© Шестакова Л. Л., Кулева А. С., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 28–54

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 28–54

употреблением, реализация прагматического потенциала этого местоимения как единицы поэтического лексикона.

Ключевые слова

авторская лексикография, корпус, лингвистическая поэтика, местоимение, поэтический язык

Для цитирования

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Местоимение «Я» в поэтическом языке Серебряного века по данным сводного авторского словаря // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 28–54. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-28-54

The Pronoun “I” in the Poetic Language of the Silver Age According to the Consolidated Author Dictionary

Larisa L. Shestakova¹, Anna S. Kuleva²

^{1, 2} Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ lara.shestakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9585-9472>

² an_kuleva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6536-3943>

Abstract

Dictionaries of poetic language play a significant role in the comprehension of rare lexical units – words outdated and new, borrowed, stylistically reduced, etc. However, in order to assess the composition and functionality of the poetic lexicon, it is fundamentally important to describe in dictionaries of this type the entire vocabulary with all contexts from the selected sources. This is exactly the purpose of the “Dictionary of the language of Russian Poetry (20th century)”, based on the material of the works of ten prominent poets of the Silver Age. Personal pronouns, which occupy a special place in the poetic language, are given close attention in this Dictionary. With the release of the final X volume, which is currently being worked on, a systematic description of personal pronouns will be completed within the framework of the Dictionary. This study analyzes the dictionary entry “I” prepared for Volume X. By using a large number of illustrative contexts, the specifics of the functioning of the pronoun “I” in the poetic language in comparison with general linguistic usage, the realization of the pragmatic potential of this pronoun as a unit of the poetic lexicon are shown.

Keywords

author lexicography, corpus, linguistic poetics, poetic language, pronoun

For citation

Shestakova L. L., Kuleva A. S. The Pronoun “I” in the Poetic Language of the Silver Age According to the Consolidated Author Dictionary. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 28–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-28-54

Данное исследование строится на материалах «Словаря языка русской поэзии XX века» (СЯРП), создаваемого в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН и реализующего идеи В. П. Григорьева в области поэтической лексикографии [Григорьев, 1973; 1979]. СЯРП носит сводный характер, представляет поэтический язык Серебряного века по стихотворным произведениям десяти видных авторов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

Этот многотомный словарный проект близится к своему завершению – том IX, последний из опубликованных, включает в себя слова на буквы Т–Ц. Том X, над которым сейчас ведется работа, будет содержать заключительный алфавитный отрезок и отдельный блок, посвященный иноязычным вкраплениям, небуквенным элементам и др.

В СЯРП выделяются объемные статьи и на ключевые полнзначные лексемы (в томе IX, например, *тоска, трава, тьма, ум, утро, холод, Христос*), и на местоимения, наречия, а также служебные слова (*только, туда, тут, ты, твой, у, уже*). В языке поэзии, как хорошо известно, большую смысловую нагрузку несут личные местоимения, поэтому им в Словаре уделено особое внимание. С выходом итогового X тома будет завершено системное описание, в рамках Словаря, личных местоимений и соотносящихся с ними притяжательных: в т. I входят статьи ВЫ, ВАШ, т. II – ЕГО, ЕЁ, т. III – ИХ, т. IV – МЫ, МОЙ, т. V – НАШ, ОН, ОНА, ОНО, ОНИ, т. VIII – ТВОЙ, т. IX – ТЫ, для X тома подготовлена словарная статья Я.

Личным местоимениям в языке и художественной речи посвящена обширная научная литература. Семантика и прагматика местоимений, проблема концептуализации субъекта, говорящего изучались в различных аспектах, достаточно назвать такие работы (преимущественно XXI в.), как [Падучева, 1985; 2017; 2018; Булыгина, 1990; Долгоруков и др., 2021], ср. также [Гуреев, 2004; Сапронов, 2008; Декомб, 2011; Резникова, 2014; Синельникова, 2020; Гранева, 2021а; 2021б; Доманов и др., 2021; Кульпина, 2022; Золян, 2023]. Функционирование личных местоимений в поэтиче-

ском языке давно привлекает внимание исследователей [Бройтман, 1988; Винокур, 1990; Левин, 1998; Ревзина, 1998; Мурашева, 2004; Федоров, 2008; Субъект..., 2018; Патроева, 2019; Шутан, 2022; Субъектная структура лирики, 2024], причем нередко в русле грамматической теории [Ковтунова, 1986; Гин, 1992; Фещенко, 2023].

Особенности лексикографического представления местоимений, в том числе личных, исследованы на данный момент существенно меньше. Напомним утверждение Н. Ю. Шведовой: «Несомненно, что семантическая структура местоименного слова специфична: первичная функция означения (а не именования) диктует свои законы в развитии местоимения как лексемы: оно весьма осторожно относится к включению в свой состав каких-либо семантических новаций. Однако такие новации все же возникают и обычно отмечаются словарями как отдельные значения местоименного слова» [Шведова, 1998, с. 46]. Выделение значений местоимения остается, вместе с тем, проблематичным. В научной литературе звучат предупреждения о необходимости различения значения местоименного слова и его употребления «в условиях замкнутого контекста» [Там же, с. 46–47]. Так, В. В. Виноградов отмечал, что в словаре русского языка могут быть «зарегистрированы лишь те типы употребления слова, из которых явно уже вырабатывается новое значение» [Виноградов, 1977, с. 239].

Толковые словари (СУ, БАС, МАС) (ср. [РГ-80]) демонстрируют сложность лексикографического представления системы русских личных местоимений. Рассматриваемая группа состоит из 1) собственно личных местоимений (*я, мы; ты, вы; он / она / оно, они*), причем для всех (кроме *вы*¹) выделяется несколько значений; 2) соотносящихся с ними притяжательных местоимений, отдельные из которых омонимичны падежным формам личных (*его, её*), причем в словари включаются также некоторые сниженные формы (в СУ – *нашенский / нашинский, ихний*, в МАС – *нашенский, ихний*); 3) производных слов (*выкать, тыкать, якать* и пр.). Некоторые лексические единицы имеют омонимы, в частности названия букв: *я* и старые *наш, он*.

Поэтический язык Серебряного века, эксплицированный в СЯРП, характеризуется более сложной системой личных местоимений.

Во-первых, несколько отличается состав группы: в нее входят и другие единицы – устаревшие, просторечные и т. п. (*аз; вашество, вашинский*).

¹ Кажется, что это едва ли оправдано: так, два значения для *вы* находим в (АТос).

Кроме того, согласно принципам Словаря, обычно в отдельные словарные статьи выносятся некоторые формы, например субстантивированные (ср. контекст Хлебникова: *Куда же мы идем, мой «мой»?*). При этом составителями было принято решение не выносить в отдельные словарные статьи нестандартные грамматические формы (*тваво, твоея*), а фиксировать их в зоне значения – такой подход был признан оптимальным, поскольку он позволяет представить материал более компактно и обозримо, но не потерять подобные формы в больших по объему словарных статьях. Следует также отметить случаи, когда в поэтическом языке местоимения включаются в индивидуально-авторское словообразование (*мой-найдёныш, рот-его-рана, спесь-её-льдина, вьюг-твоих-приютство, синь-ты-хвалынь, филином-летал я-совой* – все эти единицы почерпнуты из текстов М. Цветаевой).

Во-вторых, в поэтических контекстах обнаруживаются значения, не отражаемые в толковых словарях, семантические сдвиги и особые авторские употребления (см. подробнее [Кулева, 2007; 2013], ср. [Азарова, 2019; Корчагин, 2019; Арская, Мамедов, 2020]).

Словарь поэтического языка, таким образом, позволяет отразить не только общезыковые значения, зафиксированные толковыми словарями, но и их вариации и модификации – как индивидуально-авторские, так и системные, регулярные, потенциально узусные [Шестакова, 2011].

В приводимых далее словарных статьях из СЯРП используются условные обозначения Словаря – шифры, указывающие на автора и год создания произведения: *Анн* – Анненский, *Ахм* – Ахматова, *АБ* – Блок, *Ес* – Есенин, *Куз* – Кузмин, *ОМ* – Мандельштам, *М* – Маяковский, *П* – Пастернак, *Хл* – Хлебников, *Цв* – Цветаева; одни шифры указываются в случаях, когда в статью входят единичные или немногочисленные примеры, чтобы можно было представить, для кого из авторов подобные нечастые лексемы наиболее характерны.

Для начала представим – в виде заголовочных слов и зон значения – список уже отраженных в Словаре личных местоимений (и отдельных их грамматических форм), соответствующих притяжательных местоимений, а также разных производных ²:

² Уточним, что «зона значения» словарной статьи, следующая за заголовочным словом, носит в СЯРП факультативный характер, однако в случаях заполнения может содержать разные виды лингвистической информации, а также энциклопедическую.

- АЗ** [аз и Аз; церк.-слав. – я]
ВАШ [в. и В.; см. *тж* ВАШИНСКИЙ]
ВАШЕСТВО [в. и «в.»; *устар. прост.*]
ВАШИНСКИЙ [*прост.*]
ВЫ [вы и Вы]
ВЫКАТЬ [*разг.*]
ЕГО [*ф. местоим.* ОН, ОНО; его-де АБ899]
ЕГО [его и Его; *притяж. местоим.*]
ЕЁ [её и Её; *ф. местоим.* ОНА; см. *тж* ЕЯ]
ЕЁ [её и Её; *притяж. местоим.*; см. *тж* ЕЙНЫЙ, ЕЯ]
ЕЙ [*ф. местоим.* ОНА]
ЕЙНЫЙ [*прост.*; *вар.* к ЕЁ (*притяж. местоим.*)]
ЕЮ [*ф. местоим.* ОНА]
ЕЯ [*устар.*; *вар.* к ЕЁ (*ф. местоим.* ОНА)]
ЕЯ [*устар.*; *вар.* к ЕЁ (*притяж. местоим.*)]
ИХ [*ф. местоим.* ОНИ]
ИХ [*притяж. местоим.*; см. *тж* ИХНИЙ]
ИХНИЙ [*прост.*; *притяж. местоим.*; ихнье М928; *вар.* к ИХ]
МОЙ [*притяж. местоим.*; *тж* *искаж.* моя в знач.: я (Хл921); *тж* моего в знач.: меня (П925-31); *тж* в сочет.: бог мой, боже мой (*междом.*)]
МОЙ [мой и «мой»; *субст. притяж. местоим.*]
МОЙ-ЗАТВОРНИК [*нов.*]
МОЙ-ИЗЮМ-ШЕПТАЛА [*нов.*]
МОЙ-НАЙДЁНЫШ [*нов.*]
МЫ [см. *тж* МЫ-ТО]
МЫ-ТО [см. МЫ]
НАШ [*местоим.*], ср.: **НАШ** [стар. назв. буквы «Н»; в морском коде означала «грузу боеприпасы, веду огонь»]
НАШИНСКИЙ [*прост.*; *вар.* к нашенский]
ОН [он, «он» и Он (*тж* Бог, Христос); *местоим. личн.*; он-де АБ899; *тж прост.* по нем; *тж* в сочет.: Бог с ним, дай ему Бог, черт его знает и др.; *тж субст.*; см. *тж* ЕГО]
ОНА [она, «она» и Она; *местоим. личн.*; к ней-то П914; *тж прост.* у ней, у ей; *тж* в сочет.: черт с ней; *тж субст.*; см. *тж* ЕЁ, ЕЯ, ЕЙ, ЕЙНЫЙ]
ОНЕ [*устар.*; *вар.* к ОНИ]
ОНИ [они и «они»; *местоим. личн.*; *тж* в знач. *ед.* (*устар.* и *прост.*); *тж* в сочет.: Бог с ними; см. *тж* ОНЕ; см. *тж* ИХ, ИХНИЙ]

дические, историко-культурные и другие сведения (подробнее см. раздел «Как пользоваться словарем», включаемый в каждый том СЯРП).

ОНО [местоим. личн.; *тж* в знач. местоим. это (*разг.*); оно-то Цв928,29-38; *тж прост.* по нем; *тж* в сочет.: то-то оно-то; *см. тж* ЕГО]

ОНО [О.; *субст. местоим.*]

ТВОЙ [т. и Т.; *местоим. притяж.*; *ж. тв.* твоёй и твоёю; твоя АБ918 (III,354), Цв921 (II,70), 922 (III,327); твоя (*мн.*; церк.-слав.) Ес914, П925-26; тваво Цв922 (III,280), (III,315); тваму Цв920 (III,238), 922 (III,295); *тж* в сочет.: что т. кто-, что-л. (*прост.*; самый настоящий); *тж* в *бран.* выраж.; твоя-то, твои-то Цв920 (III,197)]

ТВОЙ [*субст. местоим.*]

ТЫ [ты, «ты» и Ты; *местоим. личн.*; *тв.* тобой и тобою; те (тебе) Цв920 (III, 197); ты (тебя) Хл909 (189), Хл[913] (85.1), Ес917 (I,280); *тж* в сочет.: Господи Боже ты мой, быть (звать, беседовать) на ты, выпить на ты, поди ты, будет тебе, вот тебе, вот тебе и..., ужо тебе, не до тебя, чтоб тебя, Бог с тобой (тобою)]

ТЫ [ты и «ты»; *субст. местоим.*]

ТЫКАТЬ [*прост.*; обращаться к кому-л. на «ты»]

ТЫ-ТО [*см. Ты*]

Я [*местоим. личн.*]

Я [я, я и «я»; *субст. местоим.*]

Я-ТО [*см. Я*]

Эти примеры показывают, как в СЯРП (в зоне значения) фиксируется специфика поэтического употребления местоимений (*см.*, к примеру, статьи к местоимениям *ты* и *твой*). Однако описать в лексикографической форме все семантические и другие особенности трудно. С одной стороны, сам материал словарной статьи, основную часть которой составляют все поэтические контексты по выбранным источникам, позволяет читателю-исследователю отмечать поэтическую специфику. С другой стороны, составителям Словаря важно донести до читателя сделанные в ходе работы наблюдения.

Очевидно, что наиболее сложной частью системы личных местоимений является местоимение *я*.

Прежде всего, эта словарная статья будет одной из самых объемных в СЯРП.

Так, статья **МЫ** включает 2 785 контекстов [СЯРП, IV, с. 689–735], статьи **ОН**, **ОНА**, **ОНО**; **ОНИ** (**ОНЕ**) в совокупности включают 5 227 поэтических контекстов, в которых содержится более 7 000 форм местоимений 3-го лица (СЯРП, V, с. 668–712; 712–735; 754–758; 737–754; 736), статья **ТЫ** включает 3 500 контекстов, объединяющих 6 782 словоформы (СЯРП, IX(2), с. 281–377).

Материал словарной статьи Я (объемом ок. 25 а. л.) составляют 4 639 поэтических контекстов, в которых содержится 13 595 словоформ, распределение по формам выглядит следующим образом (ср. распределение форм в статье Ты):

Падеж	Я	Ты
И. п.	я – 8422, 62 %	ты – 4 267, 63 %
Р.-В. п.	меня – 1 462, 11 %	тебя – 1 012, 15 %
Д. п.	мне – 3 120, 23 %	тебе – 910, 13 %
Т. п.	мной – 351, 3 %, мною – 196, > 1 %	тобой – 354, 5 %, тобою – 183, 3 %
П. п.	(обо) мне – 44, < 1 %	(о) тебе – 56, < 1 %
Всего	13 595 словоформ	6 782 словоформы

Таким образом, местоимение я оказывается высокочастотным не только во всем массиве текстов, но и в отдельных контекстах: если для сопоставляемого ему местоимения ты на один контекст приходится в среднем чуть менее двух словоформ, то для я – 2,9. Общий объем корпуса текстов СЯРП включает ок. 750 тыс. словоформ, т. е. формы местоимения я составляют ок. 2 % (Ты – 0,9 %).

Для сравнения приведем данные из поэтического корпуса НКРЯ³ (101 521 текст, 13 879 558 слов, поиск по точным формам):

И. п.	я	– 173 849 примеров, 62 %
Р.-В. п.	меня	– 30 585 примеров, 11 %
Д. п.	мне	– 63 262 примеров, 23 %
Т. п.	мной	– 8 256 примеров, 3 %, мною – 4 142 примера, > 1 %
П. п.	(обо) мне	– 683 примера, < 1 %
Всего		280 777 (приблизительно 2 % словоупотреблений).

Как можно видеть, частотность падежных форм местоимения я в языке Серебряного века на материале СЯРП удивительно точно соответствует корпусным данным по языку поэзии в целом, что позволяет считать словарное отражение поэтического языка вполне репрезентативным.

В языке отдельных поэтов, тем не менее, заметна специфика, делающая употребление местоимений яркой чертой идиостиля. Ср. в ПК НКРЯ:

³ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.09.2024).

ПК НКРЯ	я	меня	мне	мною, мною	(обо) мне	всего
<i>Анн</i> 261 текст	448 65 %	40 6 %	157 23 %	28, 16	–	689
<i>Ахм</i> 944 текста	1 056 53 %	245 12 %	541 27 %	80, 47	10	1979
<i>АБ</i> 1 359 текстов	1 744 61 %	298 10 %	650 23 %	106, 53	14	2865
<i>Ес</i> 416 текстов	1 151 65 %	164 9 %	394 22 %	23, 17	9	1 758
<i>Куз</i> 837 текстов	1 556 65 %	207 9 %	546 23 %	37, 27	5	2 378
<i>ОМ</i> 679 текстов	783 63 %	151 12 %	273 22 %	26, 6	–	1 239
<i>М</i> 634 текста	1 024 71 %	149 10 %	221 15 %	30, 21	4	1 449
<i>П</i> 531 текст	687 69 %	59 6 %	207 21 %	24, 13	1	991
<i>Хл</i> 291 текст	471 70 %	86 13 %	93 14 %	16, 11	–	677
<i>Цв</i> 1 468 текстов	1 380 52 %	418 16 %	756 29 %	59, 22	11	2 646
						16 671

Сопоставление поэтического языка с языком прозы (общезыковым употреблением), безусловно, весьма важно, но выходит за рамки настоящего исследования. Достаточно сказать, что в основном корпусе НКРЯ (131 488 текстов, 374 449 975 слов) поиск по точным формам дает на «я» 3 117 889 примеров, т. е. 0,8 % словоупотреблений (ср. 2 % в поэтическом языке), «ты» – 649 360 примеров, 0,2 % (ср. 0,9 % в поэтическом языке). Полагаем, что это подтверждает общее представление о большой роли личных местоимений в поэтическом тексте, своего рода эгоцентричности поэзии.

Возвращаясь к материалу СЯРП, интересно отметить неравномерность употребления падежных форм местоимений *я* и *ты* – если формы И. п. одинаково преобладают (62 vs 63 %), то формы Р.-В. и Д. п. оказываются противопоставлены: *меня* – 11 % и *мне* – 23 % vs *тебя* – 15 % и *тебе* –

13 %. В этом, как кажется, эгоцентричность поэзии, ее языка проявляется вполне конкретно.

Отметим и наличие единичных церковнославянских форм (соотносимых также со словарной статьей АЗ) почти исключительно в цитатных контекстах:

(Разве уж так Суров? // Не клейми меня печатью крайней!) <...> «Убе-люся я Паче снега!» <...> Глаз не сымет. – «Гряди! // Сердце мое – смятёся во мне! Смерти боязнь – нападе на **мя**!» (Трезвенница! Девственница! Кладезь, лишь мне – ведомый! // Дивен твой рай! Красен твой крии! Сына продай, Мужа отринь! // Ибо царств тебя княгиней Ставлю – явно и вочью!) – «Дай мне крылья голубине: Полещу и почию!» *Цит. Цв922 (III,327);*

Не рыдай **Мене**, Мати, во гробе зряще. *Эпгрф.* [неточная цитата из канона на Великую Субботу] *Ахм938-39 (182.1), ср. (P,356);* Хор ангелов великий час восславил, И небеса расплавились в огне. Отцу сказал: «Почто Меня оставил!» А Матери: «О, не рыдай **Мене**...» *Изм. цит. ib., ср. (P,356).*

Еще одним доказательством особой роли личных местоимений в поэтическом тексте служит тот факт, что они часто занимают позицию начала стихотворной строки. Более того, поскольку в словарную статью СЯРП включаются по возможности полные, достаточные для понимания смысла контексты, показательно, что местоимения могут стоять не просто в начале строки, но в начале именно контекста, самостоятельной фразы. Так, в статье Я сама форма Я начинает ок. 700 контекстов, Меня – 14, Мне – 110, ср.:

Я вздрагиваю от холода – Мне хочется онеметь! А в небе танцует золото – Приказывает мне петь. *ОМ912,37 (77.3);*

Меня покинул в новолунье Мой друг любимый. Ну так что ж! Шутил: «Канатная плясунья! Как ты до мая доживешь?» // Ему ответила, как брату, Я, не ревнуя, не ропща, Но не заменят мне утрату Четыре новые плаща. *Ахм911 (47.1);*

Мне мало надо! Краюшку хлеба И каплю молока. Да это небо, Да эти облака! *Хл[912,22] (83.4).*

В то же время особого рассмотрения заслуживают формы личного местоимения в других сильных позициях, например в заголовочном комплексе – в заглавиях, подзаголовках, эпиграфах:

Я *Загл.* [стих. цикла] *М913 (28.1);*

Я И НАПОЛЕОН *Загл.* *М915 (38);*

Я И РОССИЯ *Загл.* *Хл921 (149.2);*

ОН И Я *Загл. Анн900-е (145);*
 Я ЛЮБЛЮ *Загл. Анн900-е (134.2);*
Муж Феклы Давидовны со мной и со всеми знакомыми Подзаг. М923 (429);
 Я ИХ МОГ ПОЗАБЫТЬ *Загл. [раздела книги стих.] П917-22 (I,199);*
 ТЫ ОПЯТЬ СО МНОЙ *Загл. Анн900-е (91.2);*
 Ты опять со мной, подруга осень! *Ин. Анненский Эпгрф. Ахм956 (225.1);*
 Я играю в них во всех пяти. *Б. П. Эпгрф. Ахм924-41 (173).*

Функционированию форм местоимения в позиции рифмы также может быть уделено специальное внимание. Здесь отметим только, что интересны способы рифмовки собственно формы *я*, поскольку она может использоваться только в составных богатых рифмах (неудивительно, что такие примеры встречаются у Маяковского). Ср.:

Вы с предметами, вы с понятиями, Вы с железом (дешевле платины), Вы с алмазом (знатней **кремня**), (С мыловаром, нужней **меня!**) *Цв926 (III,125);*
 Грешить бесстыдно, непробудно, <...> Потом переслюнить купоны, Пузатый отворив комод, // И на перины пуховые В тяжелом завалиться **сне...**
 Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже **мне**. *АБ914 (III,274);*
 Есть марки счастья. Есть слова Vin gai, vin triste, – но верь **мне**, Что кислица – травой трава, А рислинг – пыльный **термин**. *П917 (I,169);*
 Выбегу, / тело в улицу **брошу я**. / Дикий, / обезумлюсь, / отчаяньем иссечась. / Не надо этого, / дорогая, / **хорошая**, / дай простимся сейчас. [обращ. к Л. Ю. Брик] *М916 (53);*
 Если б / в пальцах / держал / земли **бразды я**, / я бы / землю остановил на минуту: / – Внемли! / Слышишь, / перья скрипят / механические и **простые**, / как будто / зубы скрипят у земли? *М927 (277).*

Особый интерес представляет семантика местоимения *Я*.

В толковых словарях (СУ, БАС, МАС) местоимение описывается как многозначная единица, причем основой для разграничения служит грамматический критерий: выделяются значения собственно местоименное, субстантивированное, приближающееся к частице. Ср. в БАС:

1. Употребляется говорящим для обозначения самого себя. // Об одном, отдельном человеке в противоположность нескольким, многим.
2. В знач. *сущ.* Употребляется для обозначения самого себя как личности, индивидуума, сознаваемой человеком собственной сущности. // Употребляется при противопоставлении человека окружающей среде. // В философии – то же, что субъект (в 1-м знач.).

Таким образом, словарные значения *Я* можно свести к следующим:

- обозначение говорящим самого себя;
- субстантивированное обозначение личности, субъекта;
- обозначение одного в противопоставлении многим;
- элемент предложно-падежных форм, устойчивых конструкций (*у меня* = в определенном месте, *я не я*, *по мне* = по-моему и пр.), в том числе в некоторой степени десемантизированный ((*уж эти*) *мне...*, (*смотри*) *у меня*, (*вот*) *я тебя...*, *я тебе (задам)* и пр.).

В существующих исследованиях семантика *Я* рассматривается в тесной связи с функционированием глагола, в частности с противопоставлением 1-го лица не 1-му, и прежде всего как средство обозначения «говорящего» [Падучева, 2018, с. 359–370; 383–398]; *я* (*мы*, *мой*) относится к «эгоцентрическим языковым единицам», при этом «не подразумевает, а эксплицитно выражает говорящего» [Падучева, 2017]. Существенно противопоставление говорящего в ситуациях диалога и нарратива, в том числе несобственно прямой речи [Ковтунова, 2010].

Следует отметить еще одно важное обстоятельство: грамматически местоимения могут быть и не выражены [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 335–341; Падучева, 2012], однако в жанре словаря (по крайней мере, рассматриваемого типа) это не может быть предметом описания, поэтому в нашем случае мы анализируем исключительно функционирование лексемы *я* в поэтических контекстах.

Как кажется, в поэтическом языке семантическое наполнение *Я* имеет свою специфику.

Прежде всего материал показывает, что соотношение функций «я в диалоге» и «я в нарративе» существенно отличается от общезыкового. «Диалогическое я» появляется преимущественно в текстах, напрямую включающих диалог, сближающихся с драмой – например, в поэмах Цветаевой. В большинстве стихотворных произведений функция говорящего преломляется через образ лирического героя, в большей или меньшей степени соотносимый с личностью автора. В СЯРП дифференциация роли говорящего последовательно фиксируется в зоне комментариев к поэтическим контекстам и с помощью послепомет *РП* (речь персонажа) и *НАР* (несобственно авторская речь). В корпусе Словаря такие уточнения требуются не в каждой словарной статье – их необходимость возникает в конкретных случаях для отдельных лексем:

СТРОЕН ... Взор мой – факел, к высям кинут, Словно в небо опрокинут Кубок темного вина! Тонкий стан мой шелком схвачен. Темный жребий вам назначен, Люди! **Я** стройна! [посв. Н. Н. Волоховой] *НАР АБ907 (II,257)*;

ТРОСТНИК ... **Я** [египтянин] избежал суровой пени И почестей достиг; От радости мои колени Дрожали, как т.. *РП ОМ913 (292)*;

УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЙ Что сделал **я**? Народной крови темных снегирей **Я** бросил около пылающих знамен, Подругу одевая, как Гирей, В сноп уменьшительных имен. [о Николае II] *НАР Хл917 (107)*.

Более 120 раз в контекстах встречаются ремарки, обозначающие говорящего персонажа непосредственно в тексте произведения (своего рода драматургический элемент), все соответствующие контексты сопровождаются послепометой *РП*, см., например:

[Зангези:] **Я**, волосатый реками! Смотрите, Дунай течет У **меня** по плечам! <...> **Я** разобрал часы человечества, <...> Ежели скажут: ты бог, – Гневно ответь: клевета, **Мне** он лишь только до ног! <...> **Мной** недовольное ты! **Я**, недовольный тобой! <...> На берег выдь, сядь рядом со **мной**! **Я** ведь такой же простой и земной! // **Я**, человечество, **мне** научу Ближние солнца Честь отдавать, «Ась! два!» Рывкая солнцам сурово. **Я** воин; время – винтарь. <...> **Я** ведь умею шагать Взад и вперед По столетьям. *РП Хл920-22 (495)*;

ср. также:

[Генриетта:] *П917 (I,520)*

[Говорит он:] *Ахм964 (374.2)*

[Говорит смерть:] *АБ915 (III,53)*

[Голос из сада:] *Хл911–12 (206.1)*

[Маркиза Дзезес (смеясь):] *Хл909,11 (409)*.

Помета *РП* ставится и в тех случаях, когда в текст явно включается прямая речь. Если в контексте отсутствует указание на говорящего, оно раскрывается с помощью уточняющего комментария, ср.:

Я смертельна для тех, кто нежен и юн. **Я** птица печали. **Я** – Гамаюн. Но тебя, сероглазый, не трону, иди. Глаза я закрою, я крылья сложу на груди, Чтоб, меня не заметив, ты верной дорогой пошел. **Я** замру, я умру, чтобы ты свое счастье нашел... *РП Ахм910 (344.1)*;

Я [Шмидт] вам писать осмеливаюсь. Надо ли Напоминать? **Я** тот моряк на дерби. Вы **мне** тогда одну загадку задали. <...> Когда **я** увидел вас... Но до этого **Я** как-то жил и вдруг забыл об этом, <...> Когда прошел столбняк моей бестактности, **Я** спохватился, что не знаю, кто вы. <...> *РП П926–27 (I,306.2)*;

Я [трамвай] сонный, красноглазый, Как кролик молодой, **Я** спать хочу, вожатый: Веди **меня** домой. *РП Детск. ОМ926 (337.1).*

Если всё стихотворение строится как монолог персонажа, указанием на которого служит заглавие стихотворения, то помета *РП* также используется, ср.:

МАГДАЛИНА

Обмываю миром из ведерка **Я** [Магдалина] стопы пречистые твои. <...> На глаза **мне** пеленой упали Пряди распустившихся волос. // Ноги **я** твои в подол уперла, Их слезами облила, Иисус, <...> **Я** сейчас предсказывать способна Вещим ясновиденьем сивилл. // Завтра упадет завеса в храме, Мы в кружок собьемся в стороне, И земля качнется под ногами, Может быть, из жалости ко **мне**. <...> Но пройдут такие трое суток И столкнут в такую пустоту, Что за этот страшный промежуток **Я** до Воскресенья дорасту. *РП Аллюз. П949 (III,537).*

Более частотны случаи, когда трудно провести границу между персонажем и лирическим героем, а следовательно, между словами говорящего и чужой речью, т. е. перед составителем встает вопрос: ставить при контексте помету *НАР* или же «более сильную» *РП*? Было принято решение, что помета *НАР* ставится, если в тексте в явном или неявном виде присутствует ролевое начало, т. е. лирический герой тяготеет к образу персонажа, а не поэта. Ср.:

Я – Эва, и страсти мои велики: Вся жизнь моя страстная дрожь! Глаза у меня огоньки-угольки, А волосы спелая рожь, <...> **Я** призрачных эльфов сестра... <...> Я, Эва, как ветер, а ветер – ничей... **Я** сон твой. О рыцарь, проснись! <...> Я тайна, а тайному верь! // В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь, Смеюсь наяву и во сне? Поверь мне: я смехом от боли лечусь, Но в смехе не радостно мне! Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь Сегодня на лунном коне! *НАР Ц6909 (I,33).*

В частности, показателем ролевой составляющей может быть смена гендерной роли, выражающаяся обычно грамматическими средствами:

Я в дольний мир **вошла**, как в ложу. Театр взволнованный погас. И **я одна** лишь мрак тревожу Живым огнем крылатых глаз. <...> И все, кто властен и ничтожен, Опустят предо **мною** мечи. <...> Тонкий стан мой шелком схвачен. Темный жребий вам назначен, Люди! **Я стройна!** // **Я** – звезда мечтаний нежных, И в венце метелей снежных **Я** плыву, скользю... [посв. Н.Н. Волоховой] *НАР АБ907 (II,257);*

Мой любимый, мой князь, мой жених, Ты печален в цветистом лугу. Павиликой средь нив золотых **Завилась я** на том берегу. // **Я** ловлю твои сны на лету Бледно-белым прозрачным цветком, Ты сомнешь **меня** в полном цветку Белорудым усталым конем. // Ах, бессмертье мое растопчи, – **Я** огонь для тебя сберегу. <...> Над тобой – как свеча – **я тиха**, Пред тобой – как цветок – **я нежна**. *НАР АБ904 (I,315)*;

О будущей встрече мы не условились. **Я** знал, что это конец. *НАР Ахм910 (306.1)*;

Видел я тот венец златокованный... Не завидуй такому венцу! [**возм., от лица Н. С. Гумилева**] *НАР Ахм[924] (137.1)*;

Я пришел к тебе за хлебом За святым насущным. Точно в самое я небо – Не под кровлю впушен! <...> Не забуду **я** хлеб-соли, Как поставлю парус! Есть на свете три неволи: Голод – страсть – и старость... // От одной **меня** избавил, До другой – далёко! Ничего **я не оставил** У голубоокой! // Мы, певцы, что мореходы: Покидаем вскоре! *НАР Цв920 (I,541)*.

Помимо грамматических характеристик, признаком несобственно авторской речи может быть и стилистическая окраска (преимущественно сниженная), ср.:

Свекор спит. Везде чистенько. Что-то копать от лампад! «Мимо сада ходит Стенька». **Не пройтиться ли мне** в сад? // **Круглы сутки все одна я**. Расстегну тугой свой лиф... Яблонь, яблонька родная! Мой малиновый налив! *НАР Куз921 (267.2)*.

Однако обращают на себя внимание контексты с эффектом остранения, где лирический герой раскрывается, например, через сопоставление с персонажем прецедентного текста, культурно значимым образом:

Я – Гамлет. Холодеет кровь, Когда плетет коварство сети, И в сердце – первая любовь Жива – к единственной на свете. [**обращ. к Л. Д. Блок**] *Аллюз. АБ914 (III,91)*;

Гул затих. **Я [Гамлет]** вышел на подмостки. Прислонясь к дверному косяку, **Я** ловлю в далеком отголоске, Что случится на моем веку. // На меня наставлен сумрак ночи Тысячью биноклей на оси. Если только можно, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси. // **Я** люблю твой замысел упрямый И играть согласен эту роль. Но сейчас идет другая драма, И на этот раз меня уволь. <...> **Я** один, все тонет в фарисействе. *Аллюз. П946 (III,511.1)*;

Мне и тогда на земле Не было места! Мне и тогда на земле Всюду был дом. А Вас ждала прелестная невеста В поместье родовом. // По ночам, в дилижансе, – И за бокалом Асти, **Я** слагала Вам стансы О прекрасной страсти. // Гнал веттурино, Пиньи клонились: Salve! **Звали меня – Коринной, Вас – Освальдом**. *Цв916 (I,312)*.

В ряде контекстов, напротив, подчеркивается биографическое начало – в словарной статье это может уточняться с помощью комментариев. Ср.:

Малышам в острастку, В мокрый день осенний, Написал ту сказку **Я** –
Сергей Есенин. *Ес925 (III,126.2)*;

Мало лет – и четыре года: **Ты и я** – у Москвы-реки. [обращ. к дочери
Але (А. С. Эфрон)] *Цв917 (I,352.2)*;

Я взял газету / и лег на диван. / Читаю: / «Скучает / Молчанов Иван».
[обращ. к поэту **И. Молчанову**] *Ирон. М927 (317)*.

В пределах одного контекста формы местоимения *я* могут иметь разных референтов, причем смена коммуникативной ситуации может происходить несколько раз:

Я подымаю трубку – **я** называю имя, **Мне** отвечает голос – какого на свете нет... **Я** не так одинока, проходит тот смертный холод, Тускло во-круг струится, едва голубея, свет. **Я** говорю: «О боже, нет, нет, **я** совсем не верю, Что будет такая встреча в эфире двух голосов». И **ты** отвечаешь: «Долго ж **ты** помнишь свою потерю, **Я** даже в смерти услышу **твой**, ангел **мой**, дальний зов». *тж РП Ахм965 (370.2)*.

В поэтическом тексте личные местоимения нередко маркируют традиционный для поэзии мотив двойничества (кажется, что в таких случаях послепомета *тж РП* едва ли была бы уместна даже в случаях, где используется синтаксическое оформление прямой речи):

Не **я**, и не **он**, и не **ты**, И то же, что **я**, и не то же: Так были **мы** где-то похожи, Что **наши** смешались черты. <...> Горячешный сон волновал Обманом вторых очертаний, Но чем **я** глядел неустанней, Тем ярче себя ж узнавал. <...> И в мутном круженье годин Всё чаще вопрос меня мучит: Когда наконец **нас** разлучат, Каким же **я** буду один? [о двойнике] *Анн900-е (56.2)*;

Пристал ко **мне** нищий дурак, Идет по пятам, как знакомый. <...> «Чего ж **тебе** надо?» – «Того, Чтоб стал **ты**, как **я**, откровенен, Как **я**, в униженьи, смиренен, А больше, **мой** друг, ничего». // «Что лезешь **ты** в сердце чужое? Ступай, проходи, сторонись!» – «**Ты** думаешь, милый, **нас** двое? Напрасно: смотри, оглянись...» // И правда (ну, задал задачу!) Гляжу – близь **меня** никого... *АБ913 (III,50.1)*.

Смена позиции говорящего в поэтическом тексте заслуживает пристального внимания; так, в следующем примере формы местоимения *я* подчеркивают авторское остранение, попытку взглянуть на себя со стороны:

О, широкий ветер Орфея, Ты уйдешь в морские края – И, несозданный мир лелея, **Я** забыл ненужное «я». // **Я** блуждал в игрушечной чаше И открыл лазоревый грот... Неужели **я** настоящий И действительно смерть придет? *ОМ911 (76.1)*⁴.

Философское значение **я** ‘личность, индивидуальность, субъект’, выделяемое и толковыми словарями, в языке поэзии нередко «подсвечивается» текстовыми средствами – кавычками, курсивом и пр. Контексты такого рода в СЯРП будут вынесены в отдельную словарную статью:

Я [я, я и «я»; *субст. местоим.*]

Таким образом, в Словаре это значение, входящее в систему значений многозначного слова в толковых словарях, приобретает статус своего рода омонима⁵:

В какую волшебную сказку Вольется свободное **я**! // Там всё, что на сердце годами Пугливо таил я от всех, Рассыплется ярко звездами, Прорвется, как дерзостный смех... // Там в дымных топазах запястий Так тихо мне Ночь говорит; <...> Но я... безучастен пред нею И нем, и недвижим лежу... На сердце ее я, бледнея, За розовой раной слежу, *Анн900-е (57.1)*; О царь Недоступного Света, Отец моего бытия, Открой же хоть сердцу поэта, Которое создал ты **я**. *ib.*;

Я так люблю осенние утра За нежную невозвратимость ласки! // И пену я люблю на берегу, Когда она белеет беспокойно... Я жадно здесь, покуда небо знойно, Остаток дней туманных берегу. // А где-то там мнутесь средь огня Такие ж **я**, без счета и названья, И чье-то молодое за меня Кончается в тоске существованье. *Анн900-е (153.3)*;

И грани ль ширишь бытия Иль формы вымыслом ты множишь, Но в самом **Я** от глаз – **Не Я** Ты никуда уйти не можешь. *Анн900-е (205.3)*.

Однако в одном контексте могут соседствовать и формы с разными значениями (тогда контекст войдет в обе словарные статьи), встречаются также и диффузные примеры, по которым еще будет принято решение, ср.:

⁴ По мнению И. И. Ковтуновой, в этих строках Мандельштама выражена «мысль о несоизмеримости мира, открываемого поэту, с узким, “ненужным” человеческим “я”» [Ковтунова, 1986, с. 16].

⁵ Решение о выделении подобных омонимов было принято не только для личных местоимений, но и для некоторых других высокочастотных лексем, поскольку в объемной словарной статье такие случаи, даже зафиксированные в зоне значения, могли бы потеряться, а их выделенность в ткани стихотворения несомненна.

Эй! / Господа! / Любители / святотатств, / преступлений, / боен, – / а самое страшное / видели – / лицо мое, / когда / **я** / абсолютно спокоен? // И чувствую – / «**я**» / для меня малó. / Кто-то из меня вырывается упрямо. М914-15 (387);

Где Волга скажет «лю», Янцекянг промолвит «блю», И Миссисипи скажет «весь», Старик Дунай промолвит «мир», И воды Ганга скажут «**я**», Очертит зелени края Речной кумир. Хл920,21 (281);

Я не помню тебя – отдельно. Вместо чёрт – белый провал. <...> Разве страсть – делит на части? Часовщик **я**, или врач? <...> Я не помню тебя отдельно От любви. Равенства знак. // (В ворохах сонного пуха: Водопад, пены холмы – Новизной, странной для слуха, Вместо: **я** – тронное: *мы*...) // Но зато, в нищей и тесной Жизни – «жизнь, как она есть» – **Я** не вижу тебя совместно Ни с одной: – Памяти мечь. Цв924,39 (III,29);

Что **мне** делать в новогоднем шуме С этой внутреннею рифмой: Райнер – умер. <...> Буду чокаться с тобою тихим чоком Сткла о сткло? Нет – не кабацким ихним: **Я** о **ты**, слиясь дающих рифму: Третье. <...> Мест твоих со **мною** (твоих с тобою). <...> С мне-самой неведомой землею – С целым морем, Райнер, с целой **мною**! [посв. памяти Р.-М. Рильке] Цв927 (III,132).

Отметим также двойственные случаи, когда сближаются значения местоимения, слова и буквы (ср. [Фещенко, 2023, с. 21]):

В городе – впрочем, одна семья Гаммельн! И так, в семействе Гаммельнском – местоименья «**я**» Нет: не один: всё вместе. // За исключением веских благ **Я** – означает всяк. // Славное слово, и есть в нем прок: Всяк! Так и льнет шубейкой! Автору же этих скромных строк – Озолоти! убей хоть! – // Только одна в нем – зато моя! – **Буква** понятна: **я**. Цв925 (III,92);
Страшное слово! Страшней грозы В полночь, гостей за гусем: // **Я**! (В пожирающем большинстве **Я** означает – **всё**). <...> **Я**: нагруженная по края Яблонь: снимай не снимешь! В Гаммельне ж – вместо имени: **я** – **Мы** – лишь тогда не мнимость, // Не глухонемость, не пень, не тын – С буквы когда – в аршин! *ib.*

Таким образом, примеры функционирования в поэтическом языке местоимения **я** (в том числе в рамках системы личных местоимений, их производных, омонимов и пр.) и иллюстрируют все общеязыковые значения, фиксируемые толковыми словарями, и обнаруживают выход за пределы этих значений, демонстрируя тонкие семантические сдвиги, специфичные для языка поэзии.

Своеобразие поэтического употребления местоимения **я** находит отражение в структуре словарной статьи СЯРП, особенностях заполнения зоны значения и комментариев. Именно в статье **Я** комментарии, уточняющие

говорящего и адресата, не только служат для дополнения контекста, облегчающего его понимание читателем, но и оказываются важной составной частью словарной статьи, проясняющей семантику употребленной словоформы. В настоящее время в рабочем варианте статьи Я на 4,6 тыс. контекстов приходится ок. 800 комментариев разных типов. Более ста раз использован комментарий вида [обращ. к (кому-л.)], около 300 раз – [посв. (кому-л.)], более 50 [о (ком-, чём-л.)]. Однако очевидно, что при редактировании этого фрагмента Словаря комментирующая часть будет расширена.

Как представляется, имело бы смысл в дальнейшем оформить весь материал по личным местоимениям (возможно, в доработанном и расширенном виде, поскольку от тома к тому уточнялась концепция Словаря, прежде всего усиливался толковый компонент словарной статьи) в отдельное лексикографическое издание, пополнив ряд «малых словарей» (ИПС), сопутствующих СЯРП.

Список литературы

Азарова Н. М. Новые проблемы старого «мы» // Russian Literature. 2019. Vol. 109/110. P. 275–300.

Арская Ю. А., Мамедов А. А. Специфика референциального статуса местоимения *мы* в «маленьких» поэмах С. А. Есенина // Русская речь. 2020. № 6. С. 94–106. DOI 10.31857/S013161170012880-7

Бройтман С. Н. Субъектная структура русской лирики XIX – начала XX века в историческом освещении // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. С. 527–538.

Булыгина Т. В. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования. Памяти Георгия Владимировича Степанова (1919–1986). М.; Л.: Наука, 1990. С. 111–125.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: ЯСК, 1997. 576 с.

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.

Винокур Г. О. Я и ты в лирике Баратынского (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 241–249.

Гин Я. И. Поэтика грамматической категории лица в русской лирике // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 85–93.

Гранева И. Ю. Когнитивные механизмы выражения разных ролей субъекта в употреблении русского личного местоимения «я» // Когнитивные исследования языка. 2021а. № 3 (46). С. 724–727.

Гранева И. Ю. Семантические преобразования русского личного местоимения «я» в процессах лексикализации и субстантивации // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2021б. № 2. С. 198–203. DOI 10.52452/19931778_2021_2_198

Григорьев В. П. (ред.) Поэт и слово. Опыт словаря. М.: Наука, 1973. 455 с.

Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии / Отв. ред. А. Д. Григорьева. М.: Наука, 1979. 344 с.

Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57–67.

Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица / Пер. с фр. М. Головановской. М.: НЛЮ, 2011. 558 с.

Долгоруков В. В., Зевахина Н. А., Попова Д. П. Введение в лингвистическую прагматику. М.: URSS; ЛЕНАНД, 2021. 310 с.

Доманов О. А., Лурье В. М., Митренина О. В. Система личных местоимений естественного языка: мереотопологический подход // Логико-философские штудии. 2021. Т. 19, № 3. С. 175–202.

Золян С. Т. Местоимение «я»: механизм само- и ино-описания // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 2 (36). С. 26–39. DOI 10.31912/pvrl-2023.2.2

Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1986. 208 с.

Ковтунова И. И. «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. М.: Азбуковник, 2010. 284 с.

Корчагин К. М. Поэтическое мы от авангарда 1920-х годов до новейшей политической поэзии // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 9–22.

Кулева А. С. Местоимение «мы» в «Словаре языка русской поэзии XX века»: опыт составления словарной статьи // Проблемы авторской и общей лексикографии: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. А. Л. Голованевского, Л. Л. Шестаковой. Брянск: БГУ, 2007. С. 202–205.

Кулева А. С. ОН, ОНА, ОНО, ОНИ в словаре поэтического языка // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: Материалы междунар. науч. семинара (19–20 сент. 2013 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 114–117.

Кульпина В. Г. Прагматика личных местоимений в составе местоименных комплексов и диалоговых единств // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8(1). С. 111–135. DOI 10.28995/2686-7249-2022-8-111-135

Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 464–482.

Мурашева О. П. Семантика и функции местоимений в поэтическом тексте // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2 (38–39). С. 13–19.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

Падучева Е. В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.

Падучева Е. В. Эгоцентрические языковые единицы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. 2017.

Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК, 2018. 440 с.

Патроева Н. В. Удвоение местоимений в лирическом тексте: синтаксическая и лингвопоэтическая интерпретация // Русская речь. 2019. № 4. С. 91–102. DOI 10.31857/S013161170005367-2

РГ-80 – Русская грамматика АН СССР: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М.: МГУ, 1998. 86 с.

Резникова Е. В. Личные местоимения: к вопросу о семантике и прагматике местоименного слова. Ростов н/Д: Южный федеральный университет, 2014. 84 с.

Сапронов П. А. «Я»: онтология личного местоимения. СПб.: Церковь и культура, 2008. 325 с.

Синельникова Л. Н. Дискурсивная семантика личных местоимений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 21–28. DOI 10.17308/lic.2020.2/2829

Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / Под ред. Х. Шталь и Е. Евграшкиной. Berlin: Peter Lang, 2018. 440 с.

Субъектная структура лирики / Сост. и ред. В. Я. Малкиной. М.: Эдитус, 2024. 216 с.

Федоров М. Л. Роль личных местоимений в композиции произведений Ин. Анненского: Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 2008. 211 с.

Фещенко В. В. Автореференция как проявление языковой рефлексии (в обыденном языке и в поэтическом эксперименте) // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 2 (36). С. 13–25. DOI 10.31912/pvrl-2023.2.1

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл: класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. 176 с.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: ЯСК, 2011. 464 с.

Шутан М. И. Употребление личных местоимений в лирической поэзии // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 4. С. 73–79. DOI 10.30515/0131-6141-2022-83-4-73-79

Список источников и словарей

АТОС – Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2016. Т. 1: А – Вилять; Т. 2: Вина – Гяур.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л. 1950–1965. Т. 1–17.

ИПС – Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века». URL: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=2675> (дата обращения 25.08. 2024).

МАС – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. Т. 1–4.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 01.09.2024).

СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX – / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М., 2001–2022–.

References

- Arskaya Yu. A., Mamedov A. A. Spetsifika referentsial'nogo statusa mestoimeniya *my* v "malen'kikh" poemakh S. A. Esenina [Peculiarities of Referential Relation of the Pronoun *Мы* ("We") in S. A. Esenin's "Small" Poems]. *Russian Speech = Russkaya Rech'*, 2020, no. 6, pp. 94–106. (in Russ.) DOI 10.31857/S013161170012880-7
- Azarova N. M. Novye problemy starogo "my" [New issues with the old 'we']. *Russian Literature*, 2019, vol. 109–110, pp. 275–300. (in Russ.)
- Broytman S. N. Sub"ektnaya struktura russkoi liriki XIX – nachala XX veka v istoricheskom osveshchenii [Russian lyrics 19th – early 20th century in the light of historical poetics (Subject-shaped structure)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1988, vol. 47, pp. 527–538. (in Russ.)
- Bulygina T. V. Ya, ty i drugie v russkoi grammatike [I, you and others in Russian grammar]. In: *Res philologica. Filologicheskie issledovaniya. Pamyati Georgiya Vladimirovicha Stepanova (1919–1986)*. Moscow, Leningrad, Nauka, 1990, pp. 111–125. (in Russ.)
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on Russian grammar)]. Moscow, Shkola Yazyki russkoi kul'tury, 1997, 576 p. (in Russ.)
- Descombes V. Dopolnenie k sub"ektu. Issledovanie fenomena deistviya ot sobstvennogo litsa [Le complément de sujet: Enquête sur le fait d'agir de soi-même]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 558 p. (in Russ.)
- Dolgorukov V. V., Zevakhina N. A., Popova D. P. Vvedenie v lingvisticheskuyu pragmatiku [An Introduction to Pragmatics]. Moscow, URSS; LE-NAND, 2021, 310 p. (in Russ.)
- Domanov O. A., Lourié V. M., Mitrenina O. V. Sistema lichnykh mestoimennii estestvennogo yazyka: mereotopologicheskii podkhod [The system of personal pronouns in natural language: a mereotopological approach]. *Logiko-filosofskie studii*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 175–202. (in Russ.)
- Fedorov M. L. Rol' lichnykh mestoimennii v kompozitsii proizvedenii In. Annenskogo [The role of personal pronouns in the composition of works by Innokenty Annensky]. Cand. of Philol. Diss. Moscow, 2008, 211 p. (in Russ.)
- Feshchenko V. V. Avtoreferentsiya kak proyavlenie yazykovoi refleksii (v obydennom yazyke i v poeticheskom eksperimente) [Self-reference as manifestation of language reflexivity (in ordinary language and in poetic experi-

ment)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2023, no. 2 (36), pp. 13–25. (in Russ.) DOI 10.31912/pvrl-2023.2.1

Gin Ya. I. Poetika grammaticheskoi kategorii litsa v russkoi lirike [Poetics of grammatical category of person in the Russian lyrics]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [The problems of historical poetics], 1992, no. 2, pp. 85–93. (in Russ.)

Graneva I. Yu. Kognitivnye mekhanizmy vyrazheniya raznykh rolei sub"ekta v upotreblenii russkogo lichnogo mestoimeniya "ya" [The cognitive mechanisms of actualization of various subject roles in usage of russian personal pronoun "Ya" ("I")]. *Cognitive studies of language*, 2021, no. 3(46), pp. 724–727. (in Russ.)

Graneva I. Yu. Semanticheskie preobrazovaniya russkogo lichnogo mestoimeniya "ya" v protsessakh leksikalizatsii i substantivatsii [Semantic transformations of Russian personal pronoun "Ya" ("I") in lexicalization and substantiation processes]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2021, no. 2, pp. 198–203. (in Russ.) DOI 10.52452/19931778_2021_2_198

Grigoriev V. P. (ed.). Poet i slovo. Opyt slovarya [Poet and word. Experience of the dictionary]. Moscow, Nauka, 1973, 455 p. (in Russ.)

Grigoriev V. P. Poetika slova [Poetics of the word]. Moscow, Nauka, 1979, 344 p. (in Russ.)

Gureev V. A. Yazykovoi egotsentrizm v novykh paradigmakh znaniya [Language egocentrism in new paradigms of knowledge]. *Voprosy Yazykoznanija*, 2004, no. 2, pp. 57–67. (in Russ.)

Korchagin K. M. Poeticheskoe my ot avangarda 1920-kh godov do noveishei politicheskoi poezii [We in Russian Poetry: From Avant-Garde to the Newest Political Agenda]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2019, no. 2, pp. 9–22. (in Russ.)

Kovtunova I. I. "Nesobstvenno pryamaya rech'" v yazyke russkoi literatury kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. ["Reported speech" in the language of the Russian literature of the end of the 18th – 1st half of the 19th c.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, 284 p. (in Russ.)

Kovtunova I. I. Poeticheskii sintaksis [Poetic Syntax]. Moscow, Nauka, 1986, 208 p. (in Russ.)

Kuleva A. S. Mestoimenie "my" v "Slovarе yazyka russkoi poezii XX veka": opyt sostavleniya slovarnoi stat'i [The pronoun "we" in "Dictionary of the language of Russian Poetry (20th century)": the dictionary entry case study]. In: Problemy avtorskoi i obshchei leksikografii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Problems of author and general lexicography: Materials of Intern. sci. conf.]. Bryansk, 2007, pp. 202–205. (in Russ.)

Kuleva A. S. ON, ONA, ONO, ONI v slovare poeticheskogo yazyka [Russian ON ‘he’, ONA ‘she’, ONO ‘it’, ONI ‘they’ in the dictionary of poetic language]. In: *Voprosy russkoi istoricheskoi grammatiki i slavyanovedeniya: k 175-letiyu so dnya rozhdeniya Vatroslava Yagicha*, Petrozavodsk, 2013, pp. 114–117. (in Russ.)

Kulpina V. G. Pragmatika lichnykh mestoimenii v sostave mestoimennykh kompleksov i dialogovykh edinstv [Pragmatics of personal pronouns in the structures of pronoun complexes and dialog unities]. *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pt. 1, pp. 111–135. (in Russ.) DOI 10.28995/2686-7249-2022-8-111-135

Levin Yu. I. *Lirika s kommunikativnoi tochki zreniya* [Lyrics from a communicative point of view, 1971]. In: Levin Yu. I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury, 1998, pp. 464–482. (in Russ.)

Malkina V. Ya. (ed). *Sub"ektnaya struktura liriki* [The subject structure of lyrics]. Moscow, Editus, 2024, 216 p. (in Russ.)

Murasheva O. P. Semantika i funktsii mestoimenii v poeticheskom tekste [Semantics and functions of pronouns in a poetic text]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2004, no. 1–2 (38–39), pp. 13–19. (in Russ.)

Paducheva E. V. Egotsentricheskie edinitseyazyka [Egocentric language units]. Moscow, YaSK Publ., 2018, 440 p. (in Russ.)

Paducheva E. V. Egotsentricheskie yazykovye edinitsey [Egocentric language units]. In: *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Russian Corpus Grammar]. 2017. (in Russ.) URL: rusgram.ru

Paducheva E. V. Neopredelenno-lichnoe predlozhenie i ego podrazumevaemyi sub"ekt [Indefinite-personal sentence and its implicit subject]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2012, no. 1, pp. 27–41. (in Russ.)

Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost’ s deistvitel’nost’yu (Referentsial’nye aspekty semantiki mestoimenii) [Utterance and its relationships with reality: Referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow, Nauka, 1985, 272 p. (in Russ.)

Patroeveva N. V. Udvoenie mestoimenii v liricheskom tekste: sintaksicheskaya i lingvopoeticheskaya interpretatsiya [Reduplication of Pronouns in Lyrical Text: Syntactic and Linguo-Poetic Interpretation]. *Russian Speech = Russkaya Rech’*, 2019, no. 4, pp. 91–102. (in Russ.) DOI 10.31857/S013161170005367-2

Revsina O. G. Sistemno-funktsional’nyi podkhod v lingvisticheskoi poetike i problemy opisaniya poeticheskogo idiolekta [A system-functional approach in linguistic poetics and the problems of describing a poetic idiolect]. Dr. of Philol.

Sci. Diss. in the form of a scientific report. Moscow, Moscow State Uni. Press, 1998, 86 p. (in Russ.)

Reznikova E. V. Lichnye mestoimeniya: k voprosu o semantike i pragmatike mestoimennogo slova [Personal pronouns: On the question of the semantics and pragmatics of the pronominal word]. Rostov on Don, Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2014, 84 p. (in Russ.)

Sapronov P. A. "Ya": ontologiya lichnogo mestoimeniya ["I": the ontology of the personal pronoun]. St. Petersburg, Tserkov' i kul'tura Publ., 2008, 325 p. (in Russ.)

Shestakova L. L. Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost' [Russian author lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011, 464 p. (in Russ.)

Shtal Kh., Evgrashkina E. (eds.). Sub"ekt v noveishei russkoyazychnoi poezii – teoriya i praktika [Subject in the latest Russian-language poetry: Theory and practice]. Berlin, Peter Lang, 2018, 440 p. (in Russ.)

Shutan M. I. Upotreblenie lichnykh mestoimenii v liricheskoi poezii [The use of personal pronouns in lyrical poetry]. *Russian language at school*, 2022, vol. 83, no. 4, pp. 73–79. (in Russ.) DOI 10.30515/0131-6141-2022-83-4-73-79

Shvedova N. Yu. Mestoimenie i smysl: Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva [Pronoun and meaning: The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open]. Moscow, Russian Language Institute of the RAS, 1998, 176 p. (in Russ.)

Shvedova N. Yu. (ed.). Russkaya grammatika [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, Nauka, 1980. (in Russ.)

Sinelnikova L. N. Diskursivnaya semantika lichnykh mestoimenii [Discourse semantics of personal pronouns]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, no. 2, pp. 21–28. (in Russ.) DOI <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829>

Vinogradov V. V. Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye trudy [Lexicology and lexicography. Selected works]. Moscow, Nauka, 1977, 312 p. (in Russ.)

Vinokur G. O. Ya i ty v lirike Baratynskogo (Iz etyudov o russkom poeticheskom yazyke) [I and You in Baratynsky's Lyrics (From Studies on the Russian Poetic Language)]. In: Vinokur G. O. Filologicheskie issledovaniya: Lingvistika i poetika [Philological Studies: Linguistics and Poetics]. Moscow, Nauka, 1990, pp. 241–249. (in Russ.)

Zolyan S. T. Mestoimenie "ya": mekhanizm samo- i ino-opisaniya ["I" as a subject of self- and other-reference: A linguistic perspective]. *Trudy Instituta*

russskogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 2023, no. 2 (36), pp. 26–39. (in Russ.)
DOI 10.31912/pvrli-2023.2.2

List of Sources and Dictionaries

Evgenieva A. P. (ed.). Slovar' russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1981–1984, vol. 1–4. (in Russ.)

Grigoriev V. P., Shestakova L. L., Kolodyazhnaya L. I., Kuleva A. S., Bakkerkina V. V., Gik A. V., Reutt T. E., Fateeva N. A. Slovar' yazyka russkoi poezii 20 veka [Dictionary of the language of Russian Poetry (20th century)]. Moscow, 2001–2022–, vol. 1–9–. (in Russ.)

Informatsionno-poiskovaya sistema “Slovari russkoi poezii Serebryanogo veka” [Information search engine “Dictionaries of Russian poetry of the Silver Age”]. (in Russ.) URL: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=2675> (accessed 25.08.2024).

Krysin L. P. (ed.). Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Academic dictionary of Russian language]. Moscow, 2016, vol. 1: A – Vilyat'; vol. 2: Vina – Gyaur. (in Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (in Russ.) URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 01.09.2024).

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [The Dictionary of Modern Standard Russian Language]. Moscow; Leningrad, 1950–1965, vol. 1–17. (in Russ.)

Ushakov D. N. (ed.). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1935–1940, vol. 1–4. (in Russ.)

Информация об авторах

Лариса Леонидовна Шестакова, доктор филологических наук, доцент
Анна Сергеевна Кулева, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Larisa L. Shestakova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
Anna S. Kuleva, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 29.10.2024;

одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 10.11.2024

The article was submitted on 29.10.2024;

approved after reviewing on 10.11.2024; accepted for publication on 10.11.2024